

Борис Верхоустинский

Перед половодьем

Борис Алексеевич Верхоустинский

Перед половодьем

Аннотация

«Осенний ветер зол и дик – свистит и воет. Темное небо покрыто свинцовыми тучами, Волга вспененными волнами. Как таинственные звери, они высовывают седые, косматые головы из недр темно-синей реки и кружатся в необузданных хороводах, радуясь вольной вольности и завываниям осеннего ветра...»

Содержание

1	4
2	13
3	23
4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Борис Верхоустинский

Перед половодьем

1

Осенний ветер зол и дик – свистит и воет. Темное небо покрыто свинцовыми тучами, Волга вспененными волнами. Как таинственные звери, они высовывают седые, косматые головы из недр темно-синей реки и кружатся в необузданных хороводах, радуясь вольной вольности и завываниям осеннего ветра.

Медленно и важно пробирается среди разнузданных волн белый пароход с двумя угрюмыми трубами. Круглые окна кают – безжизненные глаза, красные лопасти двух колес – могучие лапы, – пароход нем и равнодушен, как судьба. Режет темно-синюю воду гордою грудью и оставляет за собой две глубокие раны на теле реки. Весь он упорство: и спасательные круги, и красные ведра, в строгом порядке развешанные вдоль бортов, и глухое, железное сердце, мерно вздрагивающее где-то в машинном отделении. Только белая, грациозная лодка на носу парохода – как скорбная невеста, украденная злым волшебником из родимого терема.

А вот и сам он, безжалостный чародей, пленивший речную красавицу. В синеньком драповом пальтеце и с озябшим

носом – пуговкой; стоит около капитанской рубки и от холода ежится; черные ленты матросской шапочки печально развеваются по ветру, задевая посиневшее личико ребенка раздвоенными концами. И уже маленький человек собирается заплакать, хотя на черном околышке шапочки красуется золотистая надпись «Виктор», что значит – победитель.

Вдруг – порыв осеннего ветра: в бок судна – высокие волны, а с маленьким человеком – несчастье. Матросская шапочка срывается с головы, взлетает до крыши капитанской рубки и, несколько раз перевернувшись в воздухе, словно недоумевая, куда ей дальше направиться, стремительно падает за борт, в темно-синюю воду. Хороводы вспененных волн обдают ее брызгами, а осенний ветер трубит гордо и торжественно. Веселая шутка им сыграна – есть что порассказать мудрым елям-монахиням в далеком темном бору.

Маленький человек сначала столбенеет от неожиданности, а потом, взявшись за белокурую головку обеими руками, разражается безутешными рыданиями:

– Ой... ой! Ой... ой!

Какое страдание!

Ведь, маленький человек так любил эту шапочку, что не променял бы ее ни на бриллиантовую звезду, ни на трон восточного деспота.

– Ой... ой! Ой... ой!

Милая золотистая надпись! Милая лента с раздвоенными концами! Было много – и нет ничего. Сокровище на веки

утрачено.

Маленький человек утирает кулачками катящиеся из глаз горькие слезы. Внезапно над его ухом раздается пронзительный свисток. Мальчик с изумлением обертывается и смотрит на коренастые трубы, – ему кажется, это они так хрипло свистят, потому что они большие и черные. Вероятно, некий усатый дядя не на шутку разыгрался. Однако, надо проверить. Раз-два... Влезает на скамью, прислоненную к капитанской рубке, и заглядывает через стекло. Так и есть – два дяди, низкий и высокий... Низкий дергает какую-то проволоку, а высокий вертит красивое колесо с медными ручками. Ого! Заметили его и сердито переглянулись... Высокий даже погрозил пальцем. Надо бежать – чего доброго, еще изловят и выбросят в темно-синюю воду, а не то наточат широкие ножи и зарежут, как бабушкина козлика серые волки...

Мальчик поспешно слезает со скамьи и собирается дать тягу, как вдруг на его плечо ложится широкая ладонь, а грубый голос ласково спрашивает:

– А где, малыш, твоя матка?

От дяди разит водкой и табаком, но по тому, как он положил руку на плечо, маленький человек заключает, что дядя добрый:

– Моя мама внизу... Спит на диванчике. Это не ты свистел?

– Нет, не я! – отвечает загорелый дядя, – я – матрос, свистят капитаны, помощники и лоцманы. Пойдем, малыш, к

матке.

– Не пойду, я шапку потерял... Мама рассердится.

– О, черт побери! – негодует дядя. – Твоя матка круглая дурища, – накося, выпустила такого сопляка на палубу... Долго ли до греха в непогодь!

И дюжими руками берет в охапку маленького человека.

– А ты меня не зарежешь? – подозрительно осведомляется мальчик.

Матрос заливается добродушным хохотом:

– О, черт побери!.. Важнецкая колбаса выйдет... Ха-ха-ха!

Но маленький человек слышит, как бьется сердце матроса, и не верит ему.

– Врешь ты... Дай-ка я тебя в щечку поцелую.

Матрос покорно наклоняет кудлатую голову:

– От-то вражий сын! Валяй... Экий, брат, ты синеглазый бесенок. Как кличут?

Вместо ответа – звонкое чмокание:

– Ф-фуй! какие кусачие, как щетки!.. Хочешь, я тебе и ручку поцелую?

Матрос смущается.

– Ну, вот. Ну, что ты!.. Да, Господь с тобою!

Но маленький человек уже прильнул к загорелой руке алыми губами:

– Ты хороший, дядя, я знаю. Жаль мне тебя: у тебя сапоги с дырочками...

Матрос растроган, а на душе мальчика светло и печально. Вот глупости! Вот вздор! Шапка с золотистой надписью ему совсем не нужна. У него есть соломенная шляпа с красными лентами и меховая шапочка, в которой он похож на всамделишного солдата.

...Спускаются по винтовой лестнице в общий зал 2-го класса.

У дверей матрос бережно ставит мальчика на пол и грустно говорит:

– Ну, прощай, пострел... Мотри, не вылазь боле на палубу: капитан крепко ругается – бесприсмотренным детям нету входа, воспрещается.

И нежно гладит белокурую головку корявыми пальцами, а смутная тревога медленно подползает к матросскому сердцу и щемит его и сжимает: впереди что-то неотвратимое, но что – неизвестно.

Маленький человек, войдя в залу, ищет глазами мать, но ее нет, вероятно, все еще спит в каюте. Ну, и пускай, тем лучше: час возмездия за утраченную шапочку отдалается.

Присаживается на диван, обитый коричневым бархатом, и прислушивается, как два толстых дяди с массивными золотыми перстнями на гадких жирных пальцах оживленно беседуют о какой-то Холере и сапожнике, заживо похороненном в братской могиле. Там он очнулся и, кое-как выкарабкавшись из земли, побежал в город с яростными криками: «Бить докторов! Живых зарывают!» Люди взбунтовались, разбили

баракы и убили фельдшера с сиделкой, а больных растаскали по домам.

Маленький человек затаивает в груди дыхание, широко открывая изумленные глаза.

– Не кушай яблок, – умрешь!

– Не пей, не спросись, – умрешь!

– Придет Холера и унесет тебя!

– Ого, – вот как, значит, мама не врет... Холера – длинная, черная, от нее бегают, от нее падают в корчах и навсегда засыпают. Вероятно, ее замок на высокой горе – кругом темные пропасти и нет дорог. Ест маленьких мальчиков, запивает кровью хохотуний девочек, как в какой-то страшной сказке. Еще она любит играть отрубленными головами, словно мячиками, и злобно хохотать при этом.

Внезапно мысль маленького человека переносится к свету: стемнело, вспыхивают электрические лампочки. Хорошо бы сломать вот это, с розовым абажуром в виде цвета. Странная штука в ней: не то нитка, не то проволочка, не то серебряная паутинка. Горит, а не сгорает; спички сгорают, а она нет. Почему так?

Маленький человек задумывается, теребя медную пуговку синенького пальтеца. Скоро это новое занятие всецело поглощает его, он позабывает обо всем в мире, и о маме, и о лампочке, и о потерянной шапке с золотистой надписью.

Но входит мама, – входит так неожиданно, что пуговка отрывается и катится по полу.

Худошавая, миловидная. С глазами печальными и бледным лицом. Платье шерстяное – синее, на груди белые кружева, а на черном бархатном воротнике – брошка дутого золота. Пальцы рук длинные, тонкие, – душа покорная и мечтательная.

Мама встревожена:

– Ты здесь, Виктор? А я тебя искала-искала... Какой же ты нехороший мальчик!

И, помолчав, спрашивает:

– А где твоя шляпа?

Ну, вот... Так он и знал... Но только он ни за что не скажет, что его шляпу сдул противный ветер.

– Я... я... подарил ее бедному мальчику!

– Бедному мальчику?...Зачем врешь? Скажи лучше правду, куда ты дел свою шляпу?

Но маленький человек находчив:

– Да! Да... Бедный мальчик отвязал белую лодочку, взял мою шляпу и уехал... И уехал...

Увы! Сердечко не выдерживает тяжести лжи. Вздернутый носик краснеет от стыда и страдания, а пухлые кулачки работают над привычным делом – утиранием горьких слез:

– Хм!.. хы!.. хы!.. Шляпа утонула... Хы!.. хы!.. хы!..

– Как утонула?

– Хы!.. хы!.. хы!.. Ветер сдул.

– Так ты был на палубе? – ужасается мать, и маленький человек страдальческим шепотом признается:

– Бы-ыл...

– Боже мой! Ты злой, Витя, всегда огорчаешь бедную маму. Опять хочешь заболеть коклюшем?

Маленький человек два года прожил с матерью в небольшом именьеце у бабушки и долгое время хворал. Отец же его, акцизный чиновник, уезжал куда-то в дальнюю командировку. «Вернувшись, он поселился в одном из губернских городов Поволжья и написал письмо жене и первенцу, чтобы приезжали. Но два года – такая гора дней и ночей, что маленький человек уже успел совершенно позабыть, что такое „папа“».

– Прости меня, я больше не буду.

– Нехорошо, Витя. Ну, где я тебе теперь достану новую шляпу?

Однако, мир заключен, и маленький человек это понимает. Слезы высохли, кулачки отработали, а васильковые глаза с жадным любопытством рассматривают бумажный мешочек в руках матери... Наверно, – ох! наверно, – в нем румяные плюшки или какое-нибудь сладкое печенье.

Так и есть! Маленький человек с аппетитом поглощает свою порцию и тут же, на коричневом диване, блаженно засыпает под плеск волн и убаюкивающее покачивание парохода.

Тепло ему и мягко.

Но на палубе беготня и крики. Один бравый матрос упал, пораженный молниеносною холерой, и уже более никогда не

подымется.

Этот матрос – незнакомец маленького человека, недавно несший его на мускулистых руках.

2

Пролетела черная смерть, но мальчик беспечно лежит на диване, свернувшись калачиком, и видит золотой, упоительный сон.

Начинается так: брызжет сноп золотистых лучей, а вдали слышно тихое пение.

Кто поет? Птица ли райская, солнце ли красное или синее небо?.. Неизвестно... неизвестно... Сон разворачивается, как пергаментный свиток.

Вот сад благоуханный, вот цветы с махровыми головками, и вот вереницы белых лебедей на зеркальной поверхности серебряного озера...

Румяные яблоки свисают с зеленых ветвей, а в воздухе бесшумно реют веселые бабочки, – дивное пение растет и приближается.

Внезапно синева небес покрывается золотой колеблющейся тучкой. Но не тучка то, а рой жужжащих пчел, несущих доверчивому ребенку его долю небесного меда.

Ближе, ближе – уже выются над самою головой. Но вдруг – сон кончается. Маленький человек лениво открывает заспанные глаза и видит перед собой женщину в черном, тормошащую его за рукав.

– Вставай, Витя, приехали!

Приехали? Вот неприятная новость.

Мать надевает на его голову серую шаль и берет за руку.

Идут. Поднимаются по винтовой лестнице, ступени которой протяжно стонут «тук! тук!», – им, вероятно, тоже холодно и тоже хочется спать. А вот и мостки, перекинутые через черную сердитую воду. Ф-фу! Как холодно, как темно, как визгливо скрипит пристань под напором волны... Фонари желты и тоскливы.

И уже западает в сердце жалость, и уже вырастает в юном сердце упорная печаль. Зачем, зачем он проснулся?

Отличные яблоки росли в душистом саду, хорошую песнь напевал незримый ангел; а тут – завывающие ветры, скрипучая пристань, да некрасивые люди с деревянными горбами на спинах, – на этих горбах они переносят какие-то ящики, поддерживая ношу железными крюками и переругиваясь непонятными, черными как ночь, словами.

Холодно и неудобно: найти бы диван, найти бы теплую постельку, чтобы вновь заснуть и вновь увидеть жужжащий рой золотистых пчелок. Разве прикорнуть вот на этих канатах?

Однако, странность: к матери подходит черный бородатый мужчина и обнимает ее, а, затем, повернувшись в сторону маленького человека, внимательно рассматривает его и даже берет за подмышки, чтобы бесцеремонно поднести к фонарю около окошка кассы, и, весело смеясь, расцеловать в обе щеки!

Мальчик сердито оттирает с своих губ следы неприятного поцелуя, черный же мужчина опускает его на пол и берется

за ручку чемодана:

– Не узнал – детская память.

– Витя, ведь это твой папа! – укоризненно шепчет мать, но маленький человек ей не верит: от пальто черного мужчины пахнет ночной сыростью, холодом и нафталином. Злой он и чуждый.

Мать берет мальчика за руку, и они поднимаются по шатким мосткам на темную набережную. Где-то рядом стучат колеса и фыркают лошади, – ага! это ломовые телеги, – люди с деревянными горбами складывают на телеги белые ящики.

Под ногами – скользкие камни; с одного боку – не то стена, не то гора, а с другого плещут темные волны. Куда идти? Зачем идти? И не лучше ли прижаться к матери? Какой страшный этот Черный Мужчина... Никто иной, как Синяя Борода... Впрочем, любопытно взглянуть на запретную комнатку его мрачного замка. Ну, конечно, там много-много блестящих разноцветных игрушек: жестяная обезьянка, лазящая по нитке, и бочонок с настоящим золотом, деревянная пушка, из которой стреляют горохом, и маленький паровоз, проворно бегающий по рельсам. Скорей бы все увидеть...

– Лодочник!

Тьма отвечает:

– Здеся!

– На ту сторону, троих...

– Ладно.

Черный Мужчина берет мальчика на руки и переносит

по узкой дощечке на широкий плот, к которому привязано несколько неуклюжих лодок. Кончено, конечно, маленький человек в грозной власти Синей Бороды!

Сердце взволновано: «тик-так-тик!» – но плакать некогда: так любопытно знать, что будет дальше!

Черные волны сердито плещутся о борта неуклюжих лодок, вползают на мокрые бревна плота – хотят поглотить маленького человека, но он обвивается хрупкими ручонками вокруг шеи таинственного незнакомца и чувствует себя в полной безопасности. Где же это слышано, чтобы Синяя Борода оказался слабее темных речных волн?

Откуда-то выплывает широкая лодка с сидящим на ее скамье широкоплечим дядей. На голове его рваная зимняя шапка, сапоги же огромные, их носки как круглые булыжники, а кафтан дяди – пестрые лохмотья. Нос лодки освещен фонарем со стеариновым огарком.

Черный Мужчина бережно ставит мальчика на днище лодки, помогает матери сесть на скамью – дощечку, и сам усаживается рядом, – от движения лодка покачивается. Дядя же в зимней шапке кладет чемодан на широкую корму и отпихивается от плота длинным веслом.

Уключины визгливо поскрипывают: «зы-зы! зы-зы!!».

Поехали.

– Ты устала, моя дорогая? – шепчет Синяя Борода маме.

– Устала! – тихо отвечает она, – я все время дрожала, как бы Виктор не заболел холерой.

А Виктор сидит на коленях матери и прислушивается.

– «Холера»?.. Ах, да – черная, длинная... От нее люди падают и засыпают. Впрочем, спать, ведь, приятно: во сне видишь румяные яблоки, свисающие с зеленых ветвей.

Уключины скрипят.

Черно-черно: фонарь на носу лодки освещает только маленький уголок жизни – лодочника, незнакомца и мать.

В небе же золотые и серебряные звезды, а по обеим сторонам реки чьи-то тускло-желтые мигающие глаза. Много их, мерцают злобой, мерцают жестокостью, черный ветер добрее их.

Эге-ге! Дело неладное: пожалуй, лодка несется не к Синей Бороде, а к людоедке – Холере... Не заплакать ли? Нет, нет, надо сперва доподлинно узнать.

– Послушайте! – обращается маленький человек к черному незнакомцу.

У того брови поднимаются кверху.

– Вы, папа, не Синяя Борода?

Улыбается:

– Нет, я не Синяя Борода?

– А вы, папа, не Холера?

Опять улыбается:

– И не холера: я коллежский асессор.

Мама смеется, но смешного тут ничего нет.

– А плавать умеешь?

– Умею.

– Ого, как!

Маленький человек успокаивается, Черный же Мужчина смотрит на его голову и строго спрашивает:

– А почему на Викторе шаль?

– И не говори! – отвечает мать, – когда я спала, он убежал на палубу, а там ветер сдул с него шляпу.

Черный Мужчина важничает:

– Шляпа денег стоит... Шалун!

Темная волна внезапно перелетает через борт и обдаёт мальчика с ног до головы. Холодно, мокро и страшно из груди маленького человека вылетают страдальческие всхлипывания, а личико – как у старичка, отягощенного семидесятью семью недугами.

Но его никто не утешает: лодка пристает к плоту – надо расплачиваться с перевозчиком и вылезать.

Черный Мужчина опять берется за ручку чемодана.

Путь в гору. Кругом темно, впереди же тускло-желтые мигающие глаза; они растут, светлеют, и уже видно, что это не звериные глаза, а сонные фонари набережной.

...Опять под ногами скользкие камни мостовой, но ни реки, ни ломовых телег, ни горы, похожей на стену. С правого, холмистого берега, где раскинулся город, путники перешли на левый, низменный, к уютящейся около вокзала слободе. Домики здесь небольшие, деревянные; набережная узкая; чернеет ограда невысокой церкви, купол которой спаян с полуночным небом.

Идут, идет. Ноги устали, на щеках еще не высохли соленые слезинки.

Скоро слобода кончается.

...Темное поле, вой ожесточенного ветра и мрак, поглощающий троих людей... Дорога – глина, размытая дождями, но впереди брезжит слабый огонек.

К нему!..

Чу! Где-то протяжно и тоскливо завыл пес: если мордою вверх, то к пожару, мордою вниз – к мертвецу.

Огонек приближается. Внезапно перед маленьким человеком вырастают темные железные ворота, с фонарем на верху их.

Маленький человек боязливо ухватывается за сак матери: как бы не оставили его у этих мрачных ворот замка Синей Бороды. После в высшей степени подозрительного сближения матери с черным незнакомцем, ей нельзя особенно доверять.

За воротами же – шумное сморкание и – шлеп! шлеп! – ковыляет толстая тетушка на коротких ножках. Ее видно сквозь промежутки чугунной изгороди. Красная, курносая, а в руке густо навощенный фитиль, кидающий багрянец на изрытое оспой лицо.

Ветер бесится, злобствует, дует с ненавистью на колеблющееся пламя фитиля, оплетается вместе с подолом красной юбки вокруг коротеньких ног женщины – и треплет рыжую косичку, тонкую, как крысиный хвост.

Бренчит связка ключей, калитка при воротах открывается:

– В добрый час, хозяйюшка!.. Прошу любить-жаловать!

– Здравствуйте!

– Баринушка! Чемоданчик дай-ка мне. Ох! родненький, – тяжкой, поди?.. Эва, пузан какой!

Черный Мужчина молча передает чемодан курносой бабе, – та, быстро и весело семенит короткими ножками к высокому крыльцу двухэтажного деревянного дома. Фитиль в ее левой руке скудно освещает дорогу.

За ней! За ней!.. Пошли и утонули в темных, негостеприимных сенях. Маленький человек крепче ухватывает сак матери и вздрагивает – из окружающей тьмы злоеще блестит пара зеленоватых огоньков. Уж не леший ли убежал из мглистого леса и притаился в маленькой щели бревенчатых стен?

Ближе! Рядом! У ног! О, Господи!

– Ой! Мама! я боюсь, тут змей блестит!

Но в ответ мирное мяуканье, – кур-нэ-мэ! – страхи рассеиваются:

– Кис! Кисонька!.. Послушай, это твоя кися?

– Моя! – говорит Синяя Борода.

– А не кусается?

– Если за хвост не дергают, не кусается.

Медленно и важно скользит, с легким поскрипыванием в петлях, обитая клеенкой дверь, впуская путников в ярко освещенную переднюю.

... Тепло; из кухни – запах жареного мяса; на стене желтые вешалки.

Маленький человек жмурится, потом широко открывает васильковые доверчивые глаза.

– А как зовут ее?

– Васькой.

– Ого, Васечкой!..

И радуется, хлопая в ладоши:

– Ха! ха! ха! Васечка!

Раздеваются, проходят в столовую. Лампа висячая, у дубового стола толстопузые ножи. Скатерть бела. Самовар важен. Ножи гремят по тарелкам, а кот Васька трется круглою головкою о ножку стула и жалобит, лукавый:

– Подай, Христа ради, добрый человек!

Но наползают голубые, тихие туманы; белый потолок улетает к высокому небу, лампы нет, и самовара нет – все улетело к синему небу.

Мальчик кладет руки около тарелки с недоеденной котлетой и опускает, на них белокурую головку. Глаза смыкаются.

Ого-го! – шевелятся чьи-то голубые пальцы, а красный безглазый великан подходит, раскачиваясь, и бережно уносит его в спокойную пещеру. Там он кладет его на копну душистого сена и убаюкивает: «спи, мой желанненький!»

Как мягко! Как тепло! Как радостно! Как нежны голубые, тихие туманы!

Зеленая лампадка в углу детской печально освещивает,

а в золотом кивоте кроткая Богородица нежно прижимает к
благодатной груди Своего задумчивого Ребенка.

3

Утром – приятное изумление. Около самого лица чье-то горячее дыхание, и чей-то добродушный язык усердно облизывал нос-пуговку в знак доброжелательства.

Маленький человек поднимается на локтях и видит над сеткою кровати умную голову рыжего пса. Шерсть – шелковые кудри, а передние лапы, положенные на железный прут сетки, сильны.

Мальчик и немая собака переглядываются.

– Здравствуй!

– Здравствуйте!

– Какие у тебя синие глазки...

– Да!.. а вы в пятнашки играете?

– Играю.

– Ого, как весело!

Хрупкие ручонки обвиваются вокруг шеи пса и прижимают рыжую голову к узенькой белой груди. Собака же виляет хвостом, радостно оскаливая красивые зубы, – смеется.

– Ха! ха! ха!.. миленький! – заливается мальчик звонким хохотом.

Внезапно в памяти появляется темное пятно. Постепенно оно становится ясными очертаниями кудлатого матроса, унесшего маленького человека на дюжих руках с паровой палубы в общую каюту. Он! он! – загорелый дядя, пахнущий

потом и водкою... Те же глаза, и тот же лоб и то же грубова-то-нежное сердце.

Мальчик еще крепче прижимает рыжую голову пса к своей груди и хочет зашептать: «дяденька!» – но вспоминает, что псы дядями не бывают. Молчит... А потом осторожно выпускает собаку из своих объятий и падает на подушку, почтительно и дружелюбно оглядывая четвероногого зверя, отходящего от кровати.

Белая дверь открывается.

Входит красная, коротконогая тетушка, с рыжей косичкой, пахнувшей керосином.

– Проснулся, касатик?

Пальцы короткие, красные, как шейки раков, обваренных в кипятке. А на красном носу оспиночка, но оспиночка милая.

– Ты – няня новая?

– Я!.. я и за куфарку, все я, да я...

– Одень же меня, новая нянечка.

Вдруг Красная Нянечка замечает собаку:

– Ах, батюшки!.. Зверь-от сей откедова?

Маленький человек улыбается и молчит.

– Пшол ты, анафема! – сердится Красная Нянечка, не решаясь дотронуться до пса, лежащего у кровати на коврикe.

– Не гони его, он бедненький!..

– Бедный бы был, не следил бы полы ножищами. А то на-ко-ся! Брысь ты, дурной, сатанинское наваждение!.. Не угля-

дела, а он – откедова ни возьмись... А и пес-то гулящий. Чай, с города притек, а, може, хозяину подарили?..

И, успокоенная, натягивает на ноги мальчика черные нитяные чулки. Пес же продолжает лежать на коврике, презрительно поглядывая умными глазами на Красную Нянечку.

Опять тихо скользит белая дверь, пропуская мать в голубом капоте и Черного Мужчину, обнимавшего ее вчера на пристани.

Мать чего-то стыдится, что-то нехорошее вползло в ее сердце и обесцветило добрые глаза.

И тут только маленький человек вспоминает, что спал один-одинешенек, без матери, в просторной детской.

Взглядывает с ненавистью на Черного Мужчину, говорит глухим голосом, сердито сжимая маленькие кулачки:

– Ты – дурак, папка... У... у! Какой дрянь...

Потом рыдает, уткнувшись в подушки. Плечи вздрагивают.

Напрасно Красная Нянечка, застегивающая крючком пуговицы на башмаках маленького человека, утешает его бесхитростными словами: «не порть, дитю, глазки! ангелочек золотенький» – мальчик страдальчески всхлипывает.

– Виктор, что за новости? – сухо выговаривает мать.

Черный Мужчина сострадательнее ее:

– Ну, не реви, клоп... я тебе дам белую денежку.

Соблазн велик, рыдания стихают:

– Дай!

Отец вынимает из кошелька гривенник и вручает маленькому человеку.

Горькое разочарование.

Что? – это и есть белая денежка? Мальчик предполагал, что она – большущая, как луна, или, по крайней мере, вроде суповой тарелки...

Снова рыдания, а серебряная монета со звоном катится по желто-бурому полу под кровать:

– Большую дай! Не надо этой! Не надо!

Хочется, чтобы поставили в угол, чтобы мучили и под конец убили длинными ножами.

Но Черный Мужчина, как нарочно, снисходителен:

– Василида! подбери...

Няня опускается на колени и, с легким кряхтеньем, шарит под кроватью. Находит в пыли серебряную монетку и боязливо отдает ее Черному Мужчине. Тот вынимает из кошелька медный, угрюмый пятак:

– Н-на, капризник, желтую денежку, большую... Купи пряников на нее.

Новый подарок маленькому человеку очень нравится: подумать только, какое богатство – едва-едва влезает в кармашек на груди его курточки. Обязательно надо будет купить на эту денежку несколько настоящих пароходов с капитаном и матросами – и игрушечную саблю. Ружье же и панцирь у него давно имеются... Ружье отличное: как оглушительно оно разбивает бумажные пистончики и как верно попадает

пробкою в цель!

– А это что за пес? – указывает пальцем Черный Мужчина на рыжую собаку, забившуюся перед его приходом в темный угол комнаты, за комод. – Кто впустил?

– Оставь его! Не тронь! – кричит мальчик, – он бедненький... Я отворил ему дверь: ой, как холодно босыми ножками по полу!

Черный Мужчина подходит к рыжему псу и, наклонившись над ним, внимательно рассматривает его. Пес – сама покорность, само олицетворение послушания, но маленький человек, отлично знает, что это делается лишь для него. О, с какой бы радостью рыжий зверь бросился на Черного Мужчину, чтобы разорвать белыми зубами его горло, чтобы упиться кровью своего врага!

Но Черный Мужчина этого не понимает:

– Гм!.. Ирландский сеттер... Жаль, если найдутся его хозяева. Купить на выставке – рублей полтораста Чистая порода! Василида, сведи его в кухню и накорми.

– Папочка, милый, подари мне его, а я тебе подарю желтую денежку и ружье... Да... и ружье подарю тебе, оно еще не изломано.

Черный Мужчина гладит рыжего пса:

– Хорошо, клоп, хорошо!.. Если никто не придет за ним, он твой, только вот не кусается ли?

– Нет! – за ним не придут! – убежденно говорит маленький человек, – не бойся его: он добренький!

Пес одобрительно смотрит печальными человеческими глазами, похлопывая пушистым хвостом по полу.

Василида же приносит из кухни корочку хлеба, стоит в двери и манит:

– Ну, ну! Подь-ка сюды, собачка... Ну же! Эва, неслух какой, прости Господи!

Собака величественно поднимается с пола и, с гордо поднятой головой, идет на зов.

– Все-таки, Виктор, когда ты впустил этого пса?

Святая ложь, приходи на спасение!

– Утречком... Он плакал под окном, а я открыл ему двери... Да, я открыл ему двери... Он бедненький.

– Никогда больше не делай этого, Виктор. Ты можешь простудиться или впустить жулика, который убьет папу с мамой.

– А меня он тоже убьет?

– Тоже.

– Ножиком?

– Кто знает, может быть, ножиком.

– И неправда, ты врешь все: меня он не тронет – я маленький.

Рыжий пес у двери обертывается, ласково смотрит на мальчика и исчезает, вместе с красной нянечкой – Василидой.

Маленький же человек, уже окончательно одетый, подходит к окну. Вереницы белых, безглазых бабочек медленно и

лениво совершают свой полет от дымно-серого неба до черной позднеосенней земли. Отныне на полях белая скатерть, отныне – холодная зима. Дед Мороз высоко взмахнет кузнечным молотом и закует в синюю броню звонкие ручки, широкие реки, торфяные болота и многорыбные озера.

– Господи! Помилуй папу, маму и всех православных христиан! – молится мальчик, стоя на коленях перед кроткою Богородицей, робко выглядывающей из позолоченного кивота.

– Мамочка! а за собак можно? – вдруг озабоченно спрашивает он.

Отец улыбается, а мать нервничает:

– Ты всегда, Виктор, с шалостями! Я тебя в угол поставлю, подожди.

Но маленький человек упорен, тихо-тихо лепечет он детскими устами:

– Милый Боженька, помилуй и бедного Матроса!

Молитва кончена.

Уходят в столовую пить утренний кофе.

4

Комнаты растянулись в одну линию: чашку кофе до дна, иконке – поклон, и скорее к осмотру их.

Здравствуй, зеркало, висящее в промежутке окон гостиной! Все комнаты, все предметы отразились в тебе убегающей вдаль перспективой.

Угловато-унылые кресла – под орех, сиденья плюшевые...

Мрачный стол покрыт кружевной красной скатертью! Его давят, ему надоели чугунные пепельницы и кожаные альбомы с бронзовыми застежками.

Дряхлый рояль на слабеньких ножках хил и жалок. Старик! Твои клавиши пожелтели, а разбитая грудь дребезжит-кашляет. Круглые часы смотрят на тебя со стены с состраданием.

Лишь блестящие олеографии в позолоченных багетах весело смеются, цепляясь белыми снуркамн за медные гвоздики в коричневых обоях. Замки, лебеди, горы, мельницы и охотник, попадающий другому охотнику в ляжку.

А там, дальше, позади, виднеются – столовая с желтым буфетом и кабинет Черного Мужчины. В кабинете молчаливое кресло, крытое черною кожей, подсвечники из бронзы на зеленом письменном столе и хвастливая чернильница с мраморной подставкой.

Спальня же рядом с детской; в ней две никелированные

кровати с блестящими шариками на спинках и мраморный умывальник.

Но комнаты не прельщают детского сердца. Впрысочку обойдены, мельком осмотрены. В памяти остаются только мелкие, казалось бы, не имеющие самостоятельного значения предметы – колесики у рояля, но не сам рояль, палочка сургуча в кабинете, но не кабинет.

В сенях – просторных, светлых и бревенчатых, маленького человека поражают лишь цветные стекла в окнах. Тут много хороших вещей – банки с вареньем, кадки с моченой брусникой, мешочки с сушеными яблоками и бутылки с клюквенным квасом: Черный Мужчина – домовитый хозяин, мальчик же лакомка; но внимание его приковано к разноцветным стеклам, через которые выпавший снег кажется то синим, то красным, то зеленым, то темно-коричневым. Нос посинел – в сенях холодно, а щеки порозовели – от волнения. Снег белый, а кажется красным, как зарево... Не страшно ли? Значит, солнце бывает зеленым? Значит, водятся голубые лошади, а люди, бродящие здесь и там, – кто знает, – не меняют ли по временам свою окраску?

Маленький человек садится на край кадки с моченой брусникой и растерянно озирается по сторонам. На его глазах повисают две светлые слезинки – тоскливо, скучно, хочется заплакать.

Случайно рука с розоватыми, коротко остриженными ногтями поднимает деревянный кружок, положенный на мо-

ченую бруснику, и глубоко погружается в нее, нащупывая что-то круглое, мягкое, и, вероятно, съедобное.

Яблоко! Моченое яблоко! Надо попробовать: пропажу так хорошо запрятанного плода нескоро заметят.

Раз! – Ого, мягкое...

Два! – И сладкое к тому же...

Три! – Но какая досада: от яблока осталась лишь жесткая сердцевина... Ну что же, придется ее обсосать, а остатки положить в карман для сохранения тайны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.